

А. Ф. Кони

Избранные произведения

Том 2. Воспоминания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
А11

А. Ф. Кони
А11 Избранные произведения: Том 2. Воспоминания / А. Ф. Кони – М.: Книга по Требованию, 2013. – 542 с.

ISBN 978-5-458-35441-7

Второе издание «Избранных произведений» А. Ф. Кони содержит, подобно опубликованному в 1956 году, статьи и заметки, судебные речи, воспоминания. Однако данный сборник является дополненным и для удобства пользования публикуется в двух томах. Том первый содержит статьи и заметки Анатолия Федоровича Кони и его судебные речи. В него включены наиболее известные и представляющие интерес в теоретическом отношении произведения, не утратившие своего значения и в настоящее время. Второй том «Избранных произведений» включает в себя воспоминания А. Ф. Кони. В этот том наряду с опубликованными в 1956 году входят также воспоминания о Ф. М. Достоевском, А. П. Чехове, В. Г. Короленко.

ISBN 978-5-458-35441-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

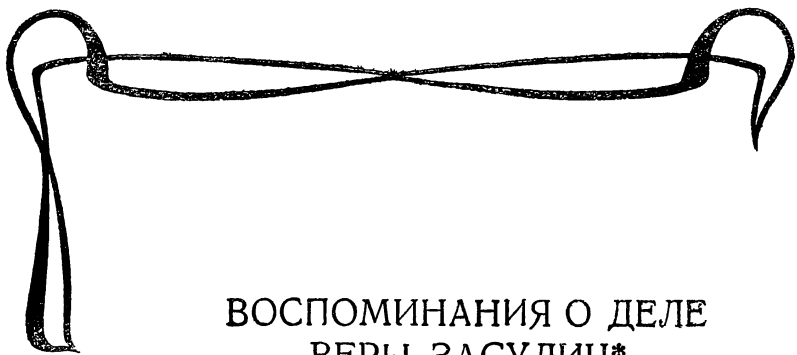
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

*В*ОСПОМИНАНИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕЛЕ ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ*

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Шестого декабря 1876 г., прилегши отдохнуть перед обедом у себя в кабинете, в доме министерства юстиции, на Малой Садовой, я был вскоре разбужен горько-удушливым запахом дыма и величайшей суматохой, поднявшейся по всему огромному генерал-прокурорскому дому. Оказалось, что в канцелярии от неизвестной причины (день был воскресный) загорелись шкафы, и пламя проникло в верхний этаж. Горел пол в кабинете помощника правителя канцелярии Корфа и начинал прогорать и у меня, в обширной пустой комнате, которая называлась у моего предместника по должности вице-директора А. А. Сабурова «детской».

На внутренней лестнице толпились испуганные чиновники, курьеры; вскоре показались во всех углах пожарные, пришел встревоженный министр, граф Пален, мелькнула фигура градоначальника Трепова. Опасность была устранена очень быстро. Пожарные действовали мастер-

* Воспоминания о деле Веры Засулич публикуются по рукописи А. Ф. Кони. В рукописи отсутствует глава, освещающая ход судебного процесса. А. Ф. Кони считал необходимым написать такую главу, но ему не удалось это осуществить. Чтобы восполнить указанный пробел, в отделе третьем помещено «Резюме председателя А. Ф. Кони», а в приложениях дан ряд документов, относящихся к судебному процессу по делу В. Засулич, в частности, речь обвинителя (товарища прокурора К. И. Кесселя), речь защитника (присяжного поверенного П. А. Александра) и др.

ски, и Пален, в порыве великодушия, на казенный счет велел им выдать 1000 рублей серебром в счет скудных остатков по министерству юстиции за сметный год. Из этой же суммы было почерпнуто и пособие тоже в одну или полторы тысячи на поправление сгоревшего кабинета барона Корфа, хотя и до и после пожара кабинет неизменно состоял из двух-трех старых столов, дрянной сборной мебели и бесчисленного количества папиросных мундштучков всех форм и величин. Еще не утихли беготня и беспорядок в моих комнатах и на прилегающих лестницах, еще у меня в кухне старались привести в чувство захлебнувшегося дымом пожарного, как Пален прислал за мною, прося прибыть *немедленно*. Я застал у него в кабинете: Трепова, прокурора палаты Фукса, товарища прокурора Поскочина и товарища министра Фриша. Последний оживленно рассказывал, что, проходя час назад по Невскому, он был свидетелем демонстрации у Казанского собора, произведенной группой молодежи «нигилистического пошиба», которая была прекращена вмешательством полиции, принявшейся бить демонстрирующих... Ввиду несомненной важности такого факта в столице, среди бела дня, он поспешил в министерство и застал там пожар и Трепова, подтвердившего, что кучка молодых людей бесчинствовала и носила на руках какого-то мальчика, который помахивал знаменем с надписью: «Земля и воля». При этом Трепов рассказал, что все они арестованы,— один сопротивлявшийся был связан,— и некоторые, вероятно, были вооружены, так как на земле был найден револьвер. То же повторили Фукс и Поскочин, приступившие уже к политическому дознанию по закону 19 мая 1871 г.

Пален после обычных «охов» и «ахов», то заявляя, что надо зачем-то ехать тотчас же к государю, то снова интересуясь подробностями, спросил, наконец Фриша и меня, как мы думаем, что следует предпринять? Вопрос был серьезный. Министр был в нерешительности и подавлен непривычностью происшедшего события, а Трепов, который, конечно, в тот же день и во всяком случае не позже, утра следующего дня стал бы докладывать государю и притом в том смысле, как бы на него повлияло совещание у министра юстиции, ждал и внимательно слушал. Револ-

люционной пропаганда впервые выходила на улицу, громко о себе заявляя, и сохранить по отношению к ней хладнокровие и спокойную законность значило проявить не слабость, а силу и дать камертон всем делам подобного рода на будущее время. Я ждал ответа Фриша с тревогой, зная по многократным прежним опытам, что для удержания Палена от необдуманного или поспешного и произвольного шага — на него надежда плохая. «Что делать?» — сказал Фриш, и, медленно оглянув всех своим холодным, стальным взглядом, он приподнял обе руки, сжал на них указательные и большие пальцы и, быстрым движением отдернув одну от другой книзу, как будто вытягивая шнурок, сделал выразительный щелчок языком... «Как? — невольно вырвалось у меня, — повесить? Да вы шутите?!» Не отвечая мне, он наклонил голову по направлению к Палену и сказал спокойно и решительно: «Это — единственное средство!» Прирожденная порядочность и сердечная доброта Фукса проступила сквозь тину слепого усердия по политическим дознаниям, в которую он погружился, к счастью, лишь на время, и он, растягивая слова и выражаясь по обыкновению запутанно, стал, однако, протестовать против такого взгляда. Пален взглянул на меня вопросительно, и я сказал, что для меня это дело так еще неясно, что даже и начатие дознания по закону 19 мая кажется мне преждевременным. То, что произошло на Казанской площади, представляется нарушением порядка на улице, по которому следует предоставить полиции произвести обыкновенное расследование. Если обнаружатся признаки политического преступления, то никогда не поздно передать дело жандармам. Все арестованы, вещественные доказательства взяты, следовательно, правосудие и безопасность ничего потерять не могут, а общественное спокойствие и достоинство власти только выиграют, если дело не будет преждевременно раздуто до несвойственных ему размеров. Что же касается до взгляда Фриша, то я думаю, что он не говорит и не думает в данном случае серьезно... Фукс и Поскочин стали доказывать, что дознание уже начато, а Фриш холодно сказал: «Я уже высказал свое мнение: оно основано на статье Уложения о наказаниях». Пален, видимо, не разделяя его мнения, опять поохал и

поахал; по обыкновению, с детской злобой в лице, назвал участников демонстрации «мошенниками» и, ни на что не решившись, отпустил нас...

Этот день был во многих отношениях роковым для многих из нас, и, в сущности, из всех связанных с ним последующих событий один лишь Фриш выбрался благополучно. И вот ирония судьбы: Фуксу, смутившемуся предложением Фриша и бывшему всегда, по совести, противником смертной казни, пришлось через четыре с половиной года подписать смертный приговор Желябову, Перовской и их товарищам и все-таки вызвать против себя упреки *«за неуместную мягкость»*, выразившуюся в том, что он позволил уже признанным виновными подсудимым поговорить между собой на скамье подсудимых, покуда особое присутствие писало неизбежную резолюцию о лишении их жизни через повешение. А Фриш через пять с половиной лет, забыв свое многозначительное «щелканье», подписал журнал Комиссии по составлению нового Уложения о наказаниях, в котором приводились всевозможные доводы против смертной казни, и хотя она и удерживалась ввиду исключительных обстоятельств для особо важных политических преступлений, но мудрости Государственного совета коварно и лукаво представлялось разделить взгляды Комиссии и отменить смертную казнь и по этим преступлениям, а, идя со мною за гробом М. Е. Ковалевского через шесть лет, он же доказывал, что казнь «мартистов» была политической ошибкой и что Россия не может долго существовать с тем образом правления, которым ее благословил господь... *Tempora mutantur!**

Демонстрация 6 декабря 1876 г., совершенно беспочвенная, вызвала со стороны общества весьма равнодушное к себе отношение. Извозчики и приказчики из лавок бросались помогать полиции и бить кнутами и кулаками «господ и девок в платках» (пледах). Один наблюдатель уличной жизни рассказывал Боровиковскому про купца, который говорил: «Вышли мы с женой и дитей погулять на Невский; видим, у Казанского собора драка... я поставил жену и дитё к Милютиным лавкам, засучил рукава, влез в толпу и — жаль только двоим и успел порядком

* Времена меняются.

дать по шее... торопиться надо было к жене и дитю — одни ведь остались!» — «Да кого же и за что вы ударили?» — «Да кто их знает, кого, а только как же, помилуйте, в друг вижу, бьют: не стоять же сложа руки?! Ну, дал раза два кому ни на есть, потешил себя — и к супруге...»

Но в истории русских политических процессов демонстрация эта играет важную роль. С нее начался ряд процессов, обращавших на себя особое внимание и окрасивших собою несколько лет внутренней жизни общества. Громадный процесс по жихаревскому делу еще только готовился, а процессы о пропаганде, или, как они назывались даже у образованных лиц из прокуратуры, «о распространении пропаганды», велись неслышно, без всякого судебного «спектакля», в особом присутствии сената. Это были отдельные, не связанные между собой дела о чтении и распространении «вредных книг», вроде «Сказки о четырех братьях», «Сказки о копейке» или «Истории французского крестьянина», очень талантливо переделанной из романа Эркман-Шатриана. В них революционная партия преследовалась за развитие и распространение своего «образа мыслей», в деле же о преступлении 6 декабря впервые выступал на сцену ее «образ действий».

Эти отдельные процессы не привлекали ничьего внимания, кроме кружка юристов, среди которых иногда ходили слухи, что первоприсутствующий особого присутствия с 1874 года сенатор Александр Григорьевич Евреинов ведет себя весьма неприлично, раздражительно, злобно придираясь к словам подсудимых и вынося не в меру суровые приговоры. Слухи эти были не лишены основания. Сухой, изможденный старик, с выцветшими глазами и лицом дряхлого сатира, Евреинов представлял все задатки «судии неправедного», пригодного для усердного и успешного ведения политических дел. Я помню, что раз, летом 1875 года, я встретил его утром на Петергофском пароходе, шедшем в Петербург. «Вот еду судить этих мерзавцев,— сказал он мне,— опять с книжками попались, да так утомлен, что не знаю, как и буду вести дело. Вчера государю угодно было потребовать институток Смольного института в Петергоф, ну и я, как почетный опекун, должен был с ними кататься и всюду разъез-

жать, а потом после обеда в Монплеизир приехал он с великими князьями и приказал институткам танцевать, шутил, дарил им конфеты и т. д. Пришлось все время быть на ногах, а тут еще сам подходит ко мне и с улыбкой спрашивает: «А ты, старик, что же не идешь плясать?» Я отвечаю: «Прикажете, государь, и я танцевать стану!» — «Нет, не нужно», — милостиво ответил мне он. А тут вот это дело — суди эту сволочь, — уж где мне после вчерашнего-то дня!»

Но как бы то ни было, процессы эти велись как-то особо от хода всей судебной жизни и нимало на нее не влияли. Совершенно иначе стало дело с 6 декабря. Во-первых, оно пошло ускоренным путем, ибо к нему уже был применен возмутительный в процессуальном смысле порядок, по которому дознание уже не обращалось к следствию, а прямо вело к судебному рассмотрению, то есть ставило человека на скамью подсудимых без предварительного исследования его вины компетентными лицами и узаконенными способами. Этот порядок был принят по настоянию Палена, которому наскучило долгое производство следствий по политическим делам и которому Фриш указал на 545 статью Уст. Уг. Судопр., по-видимому, воздержавшись от указания на то, что отсутствие следствия в общем порядке судопроизводства связано с обсуждением дела в *двух инстанциях по существу* и с обвинениями, не влекущими даже ограничения прав состояния; здесь же дело разбиралось в одной инстанции и могло влечь за собой даже смертную казнь. Тщетно боролся я против этого явного нарушения основных начал уголовного процесса. Когда никакие словесные убеждения не помогли, когда Пален упорно стоял на своем, твердя на мои разъяснения, что нечего этим мерзавцам давать гарантии двух инстанций, и приказал, наконец, по уголовному отделению представить ему отношение к шефу жандармов относительно введения такого порядка, без сомнения для последнего очень желательного, — я написал ему письмо, в котором всячески доказывал вред и полную незаконность предполагаемой меры*. Дня через два Пален, при моем докладе, сказал: «Я очень вам бла-

* См. приложение 8 к воспоминаниям о деле В. Засулич.

годарен за ваше письмо, хотя я с ним все-таки не согласился и уже вошел в соглашение с шефом жандармов, но оно заставило меня еще раз обдумать вопрос,— быть может, я и неправ, но я вынужден на такую меру; все эти Крохты и Гераковы (члены палат, производившие следствие по политическим делам) надоели мне ужасно, я не хочу больше иметь с ними дела, а ваше письмо прикажу приложить к производству: пусть оно останется как след вашего протеста». Но я взял это письмо из дела и прилагаю к настоящей рукописи как один из многих знаков бесплодной борьбы за право и законность с этим тупым человеком.

Во-вторых, был назначен другой первоприсутствующий Тизенгаузен, человек живой и энергичный, и дело было пущено уже в январе в зале заседаний окружного суда, при искусственно возбужденном интересе. Процесс окончился осуждением почти всех обвиняемых и в том числе в качестве главного виновного студента С.-Петербургского университета *Боголюбова*, который был приговорен к каторге.

Процесс этот имел в числе своих последствий один трогательный эпизод. Вскоре по произнесении приговора, в числе прочих и над неким воспитанником Академии художеств Поповым, личностью весьма мало симпатичною во всех отношениях, присужденным к поселению в Сибири, ко мне явилась девушка калмыцкого типа, с добрыми, огромными навывкате черными глазами и румяным широкоскулым лицом — нечто вроде Плевако в юбке — и принесла письмо от секретаря цесаревича, в котором тот просил от имени цесаревича удовлетворить ходатайства гр-ки Товбич. Так звали эту девушку. Ходатайство состояло в разрешении обвенчаться с Поповым до его отправления в Сибирь, так как она желала следовать за ним в качестве жены. Просьба была настойчивая и слезная, и контуры стана просительницы показывали, что эта настойчивость имеет свои основания. Я обещал выхлопотать разрешение у Палена, который не допускал прокурора палаты самого разрешать такие вопросы и вместе с тем просил Оома написать ему официальное отношение. Но у Палена я встретил неожиданный и яростный отказ. Он кричал, что это «все — девки!», что он не намерен

«содействовать разврату» и т. п. Пришлось утешать слабыми надеждами Товбич, которая трепетала, как птица в клетке, и овладеть Паленом путем нескольких периодических атак. Наконец, он сдался на то, чтобы родителям Товбич, жившим в Екатеринославской губернии, было написано о желании их дочери связать свою судьбу с политическим ссыльным и испрашено их разрешение на брак, в даче которого Пален сильно сомневался. Я сам написал местному исправнику конфиденциальное письмо и вскоре был получен ответ с подписью родителей, которые заявляли, что дочь их уже давно живет самостоятельной жизнью и что они не желают вмешиваться в ее выбор. Это не удовлетворило, однако, Палена; он потребовал, чтобы местный прокурор лично объяснился с родителями Товбич. Ввиду болезненного состояния ее матери прокурор объяснился лишь с отцом и донес, что последний, зная силу привязанности дочери к Попову, не только разрешает ей брак, но даже просит ему не препятствовать, и «покровительство разврату» совершилось в тюремной церкви. Года через два я получил от Товбич-Поповой письмо из Якутска, в котором она писала, что родила сына, что они живут с мужем счастливо и совершенно безбедно... Товбич начинала письмо словами: «В некотором роде памятный мне Анатолий Федорович», а кончила короткой припиской: «Сына моего я назвала Анатолием».

Вслед за процессом по казанскому делу слушался в феврале 1877 года процесс «50-ти»*, подготовленный в Москве и обнимавший разные группы обвиняемых, искусственно между собой связанные по существовавшему в Москве методу соединять однородные дела в одно, придавая ему громкое название вроде «дело червонных вальтов», и т. д. По делу «50-ти» судебное следствие велось очень бурно. Обвиняемые делали разные заявления резкого свойства, судьи теряли самообладание... В воздухе носились тревога и озлобление, и впервые новый суд делался ареною личных препирательств между судьями и утратившими доверие к их беспристрастию раздраженными подсудимыми. Многие из этих подсудимых высказы-

* Политический процесс, проведенный царским правительством против участников революционного движения.